

- ²⁷ Goerg O. La genèse du peuplement de Conakry // Cahiers d'études africaines. 1990. Vol. 30. № 117. P. 76—79, 86—88.
- ²⁸ Исмагилова Р. Н. Этнические проблемы и национальная политика // Общество и государство в Тропической Африке. М., 1980. С. 198.
- ²⁹ Иорданский В. Б. Тупики и перспективы Тропической Африки. М., 1970. С. 393.
- ³⁰ Брук С. И. Указ. раб. С. 482.
- ³¹ Гвинея. Справочник. С. 25, 26.
- ³² Rivière C. Op. cit. P. 63.
- ³³ Ibid. P. 63, 71—73.
- ³⁴ См.: Derman W. Serfs, Peasants and Socialists. A Former Serf Village in the Republic of Guinea. Berkeley, 1973. P. 245.
- ³⁵ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. С. 328; *его же*. Современные проблемы этнографии. С. 68, 69; Гвинея. Справочник. С. 27.
- ³⁶ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. С. 319.
- ³⁷ Конституция Гвинейской Республики // Конституции государств Африки. Т. 1. М., 1963. С. 146, 153.
- ³⁸ Исмагилова Р. Н. Указ. раб. С. 220, 221; Брук С. И. Указ. раб. С. 482.
- ³⁹ Саватеев А. Д. Социальная политика Гвинейской Народной Революционной Республики. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. С. 115; *его же*. Гвинея // Механизм воздействия Запада на культуру и культурную политику африканских стран. М., 1988. С. 54.
- ⁴⁰ Исмагилова Р. Н. Указ. раб. С. 220.
- ⁴¹ Например, Touré S. Le pouvoir populaire. Conakry, 1969. P. 5—10.
- ⁴² Исмагилова Р. Н. Указ. раб. С. 199.
- ⁴³ Africa Report. 1984. Vol. 29. № 3. P. 28.
- ⁴⁴ Ibid.
- ⁴⁵ Africa Confidential. 1985. Vol. 26. № 18. P. 5.
- ⁴⁶ Ibid.
- ⁴⁷ Ibid. 1986. Vol. 27. № 16. P. 6.
- ⁴⁸ Ibid. P. 5.
- ⁴⁹ За рубежом. 1987. № 39. С. 16.
- ⁵⁰ Jeune Afrique. 1991. № 1604. P. 76.
- ⁵¹ Ibid.
- ⁵² Ibid. 1991. № 1592. P. 5.

Ethnos and State in the Tropical Africa (the case of Guinea)

Downfalls of dictatorships and transition to multi-party systems, as a rule cause the aggravation of ethno-political situation. This was not the case of the Guinea Republic, which after the break-up of A. S. Ture's authoritarian rule and democratization process, initiated by its contemporary leader L. Conte, is not experiencing ethnic tensions. The main reasons are the state control over democratization measures and perceptible economic and civilizational «immaturity» of the Guinea peoples, as well as the absence of mutual territorial claims among them. Interethnic tension is also relaxed by religious unity of the main ethnic groups and the common history of struggle against French colonizers.

A. D. Savateyev

© 1994 г., ЭО, № 4

Ю. П. Ш а б а е в

КОМИ-ПЕРМЯКИ: ПРОБЛЕМЫ ВЫЖИВАНИЯ

Об оптимизации национально-государственных отношений, росте этнического самосознания, полноценном развитии народов в последние годы написано немало. Однако многие из работ, посвященных этой тематике, имеют абстрактный, чисто теоретический характер, поскольку авторы их — не этнологи-практики.

Между тем решение проблем какого-либо конкретного народа нередко упирается не в недостаток теоретических построений, а в элементарное

отсутствие достоверных знаний об этнической сфере его жизни. Типичным примером такого рода можно считать коми-пермяцкий этнос.

Надо сказать, что коми-пермяков иногда ошибочно отождествляют с коми-зырянами (коми). В действительности это разные, хотя и близкородственные финно-угорские народы. В начале II тыс. они представляли собой соответственно два этнотерриториальных объединения: «Пермь Великую» и «Пермь Вычегодскую». Природно-географические различия и разное этническое окружение способствовали постепенному формированию специфических культурно-бытовых и хозяйственных особенностей этих народов (в частности, коми-пермяки испытали более сильное влияние русских, нежели коми).

Коми-пермяки в течение 40 лет не являлись объектом систематического внимания специалистов — этнологов, социологов, демографов, экономистов. Последние серьезные этнографические исследования были осуществлены в конце 1940-х — начале 1950-х годов экспедициями под руководством В. Н. Белицер. Итоги этих экспедиций нашли отражение в ее обобщающем труде по этнографии народов коми¹. Однако в этом труде нет глубокого анализа процессов, происходивших в этнической сфере, не использованы в должной мере имеющиеся в литературе сведения².

Правда, в последующие годы изучалось народное искусство коми-пермяков, но только в связи с искусством коми-зырян и лишь на основе музейных коллекций³ (отметим, что коми-пермяцкий окружной краеведческий музей им. Н. И. Субботина-Пермяка не проводил этнографических экспедиций уже 30 лет).

В обобщающих работах по финно-угроведению, опубликованных в последние годы, коми-пермяки, как правило, не фигурировали в качестве объекта рассмотрения⁴. Исключение составляет монография «Народы Поволжья и Приуралья»⁵, в которой есть очерк о коми-пермяках. Однако основанный преимущественно на публикациях прошлых лет, очерк этот не содержит новых материалов, нет в нем анализа современного развития этноса; кроме того, очерк не свободен от ряда фактических и концептуальных ошибок. В последней крупной публикации, посвященной восточнофинским народам, — труде финского автора Сеппо Лаллукка, коми-пермяки также не являлись объектом рассмотрения⁶.

Отсутствие в научном обороте материалов конкретного исследования коми-пермяцкого этноса ограничивает возможности для анализа этнических процессов в финно-угорском мире в целом, а следовательно, и для теоретических обобщений. Чтобы восполнить этот пробел, сотрудники Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН и Коми-пермяцкого отдела общественных наук, являющегося филиалом института, приступили под руководством автора данной статьи к систематическим конкретным исследованиям. Первым шагом их явилась публикация доклада, в котором оценивалась современная этнокультурная ситуация в Коми-Пермяцком автономном округе, точнее, некоторые наиболее очевидные ее явления⁷. Тогда же стало ясно, что необходима программа изучения коми-пермяцкого этноса. Такая программа была создана, и с 1991 г. началась ее реализация. В 1992 г. к работе подключились финские специалисты. Упомянувшийся ныне Сеппо Лаллукка разрабатывает демографический блок программы. Предусмотрено изучение коми-пермяков как округа, так и сравнительно многочисленной диаспоры.

Работы проводились в пяти из шести районов округа, что было обусловлено этническим составом их населения (Юрлинский район, где проживает русское население, был исключен из программы обследований).

В 1992 г. был осуществлен массовый опрос жителей в г. Кудымкаре и в 24 сельских населенных пунктах, отобранных с учетом их людности, административного статуса и географического расположения. Опрашивалось коми-пермяцкое население в возрасте старше 18 лет. Выборка была двухступенчатая: сначала отбирались населенные пункты, а затем уже в них непосредственно респонденты (по похозяйственным книгам). Выборка репрезентативна по числу жителей в каждой типологической группе населенных пунктов и по возрасту

относительно всего населения (данные только по коми-пермякам в окружном управлении статистики отсутствуют). Городская выборка составила 150, сельская — 350 человек.

Численность исследовательской группы в полевые сезоны обычно не превышала четырех-пяти человек, лишь в 1992 г. она была больше: в работе приняли участие лаборанты и трое финских ученых.

После завершения опроса количество анкет в результате выбраковки несколько сократилось, но выборочная совокупность была достаточной для того, чтобы иметь репрезентативные данные, ибо все возрастные и социальные группы населения статистически представительны. Полученный материал обрабатывался по двум направлениям: составление рядов распределения по признакам и составление комбинационных таблиц, показывающих взаимное распределение признаков.

Помимо анкетных данных, большую роль в исследовании сыграли этнографические наблюдения, анализ материалов прессы, текущая статистика, беседы со специалистами и другая информация.

Проведением массового опроса 1992 г. в основном завершен первый этап исследований. Это позволило сделать предварительные выводы, которые и составляют содержание данной статьи. Цель ее — охарактеризовать сложившуюся у коми-пермяков этническую ситуацию и попытаться оценить возможности воздействия на нее.

Начнем с характеристики общей ситуации в округе, ибо без этого собственно этнические аспекты ее не могут быть поняты.

Коми-Пермяцкий округ — это регион экономической и социальной стагнации. В течение длительного времени экономика округа развивалась крайне однобоко, и до сих пор основой ее остаются неразвитое аграрное производство и лесная промышленность. Округ и ныне является сырьевым придатком более развитых районов Пермской области, ибо здесь перерабатывается лишь 4% производимой продукции⁸.

Практически все колхозы в округе убыточны, эффективность предприятий лесной отрасли тоже невелика, так как лесные ресурсы истощаются. В 1992 г. кризисные явления в аграрном секторе экономики были наиболее очевидны, что повлекло за собой усиленный отток специалистов, разрушение производственной сферы. Заработная плата в связи с этим у работников аграрного сектора была в несколько раз ниже, чем в среднем по стране. Например, в июле 1992 г. средняя зарплата в округе равнялась 987 рублям. Низкие денежные доходы вынуждают население, в том числе и городское, иметь личное подсобное хозяйство. Практически у каждой семьи есть сравнительно большой участок земли, где выращивается небогатый набор овощей. На селе почти в каждом хозяйстве имеются две-три коровы, овцы, свиньи, куры. Личное подсобное хозяйство отнимает у населения все свободное время, поскольку является у значительной его части основным источником средств к существованию. Это ведет к тому, что даже у интеллигенции практически не остается времени для самообразования, для повышения своего культурного уровня. Тем самым еще более усиливается культурное отставание населения округа, которое и сегодня очень велико: образование у жителей округа на 2,5—3 года обучения ниже, чем в целом по Пермской области⁹.

Низкий уровень развития производственной сферы, отсутствие в округе городских центров и соответствующей культурной среды (единственный город Кудымкар, получивший статус города в 1938 г., ныне насчитывает около 30 тыс. жителей) приводит к тому, что молодежь, причем, как правило, наиболее квалифицированная и образованная, выезжает за пределы округа в поисках приемлемых для нее сфер приложения труда и условий жизни. Оттоку населения способствовала и проводившаяся в 60—70-е годы политика ликвидации «неперспективных» деревень, являвшаяся тогда основой поселенческой структуры. В те годы целые деревни переселились за пределы округа. Те же, кто переехал на центральные усадьбы и в крупные деревни и села округа, до сих пор по уровню

благополучия отстают от коренных жителей этих поселений. В результате оттока населения его численность в округе сократилась с 236 тыс. в 1959 г.¹⁰ до 159,7 тыс. в 1989 г.¹¹ Сальдо миграции стало положительным только в 1990 г., но пока рано говорить о стабилизации ситуации, поскольку молодежь в селах до сих пор ориентируется на выезд.

Одновременно с сокращением численности населения округа, оттоком наиболее образованной и квалифицированной его части существенно расширился ареал расселения коми-пермяцкого этноса. Если в 1959 г. за пределами округа проживало только 12% коми-пермяков, то в 1989 г. — уже 39%¹²; из 152 тыс. коми-пермяков страны в округе проживают теперь 95 тыс.¹³ Это расширение имело двойные последствия.

Во-первых, усилились процессы культурной ассимиляции, поскольку диаспора — это в основном дисперсно расселенные коми-пермяки. Увеличилось среди коми-пермяков число горожан. Если в округе $\frac{2}{3}$ коми-пермяков — жители сел (а только сельская среда обитания еще способна воспроизводить этнические традиции), то диаспора на $\frac{4}{5}$ представлена городскими жителями, которые, как правило, очень слабо сохраняют эти традиции. Правда, первоначально выезжавшие из округа пермяки селились компактными группами в Самарской, Волгоградской, Тюменской, Ростовской областях, в Краснодарском крае, в Казахстане, в Крыму. Но впоследствии многие из этих групп распались, поскольку миграционное движение части переселенцев продолжалось. Однако и исторически сложившиеся этнографические группы коми-пермяков, оказавшиеся после образования в 1925 г. округа за пределами его границ — язьвинцы и зюздинцы — были вовлечены в ассимиляционные процессы. Так, зюздинцы, проживающие в Афанасьевском районе Кировской области, практически исчезли как этнографическая группа: в 40-е годы в Афанасьевском районе насчитывалось 7 тыс. коми-пермяков, переписью 1970 г. их было зафиксировано всего 700, а в последующих переписях не зафиксировано вовсе. Язьвинцев в 60-е годы насчитывалось примерно 4 тыс., а ныне, по некоторым оценкам, не более 2 тыс.¹⁴

Во-вторых, диаспоризация вообще оказывает дестабилизирующее воздействие на коми-пермяцкий этнос в целом, а с возрастанием ее уровня усиливается и это воздействие. Как показали наши исследования, более 80% коми-пермяцких семей округа имеют родственников за его пределами, причем 60% семей — ближайших родственников. Около 70% семей поддерживают самые тесные связи со своими родственниками. Последние же являются носителями иных культурных стандартов, и через них к инациональным культурным ценностям постепенно приобщаются проживающие в округе коми-пермяки, особенно их младшие возрастные группы.

Отток населения из округа, кроме всего прочего, имеет ярко выраженную половозрастную специфику. В потоке выезжающих больше девушек, чем молодых людей. Это приводит к возрастающему дисбалансу между полами: сегодня в сельской местности (70% населения округа — сельские жители) на 1000 мужчин в возрасте от 18 до 29 лет приходится только 812 женщин того же возраста. Повсеместно очень остро стоит проблема невест, вследствие чего уменьшается число заключаемых браков, падает рождаемость (с 10‰ в 1987 г. до 2,1‰ в 1991 г.). Среди мужчин (особенно неженатых) усиливается алкоголизм, который ведет к патологическим изменениям в организме. Человек деградирует, нередко бросает работу.

Тяжелые условия жизни, алкоголизм, люмпенизация, неразвитость социальной сферы приводят к тому, что средняя продолжительность жизни в округе на 10—11 лет меньше, чем в целом по стране¹⁵.

Ко всему этому следует добавить, что округ всегда воспринимался властями как периферия периферии. Превратив округ в сырьевую колонию, они практически не вкладывали средств в его развитие. В итоге — отставание не только производственной, но и социально-культурной сферы, всей инфраструкту-

ры; дороги с твердым покрытием здесь составляют незначительную долю дорожной сети, электроснабжение в ряде мест очень ненадежно и т. д. и т. п.

Долгие годы округ полностью зависел от областных властей, ибо снабжение и финансирование шло через Пермь. Два года назад окружной Совет сделал попытку поднять статус округа до статуса области и таким образом миновать Пермь, исполнявшую роль административного посредника между округом и Москвой. Однако уже через месяц решение об этом было отменено. Сейчас ситуация изменилась, ибо административное подчинение округа «переключено» непосредственно на Москву. Тем не менее прежняя зависимость от областных властей сменилась полной зависимостью от российских, так как округ получает две трети финансовых ресурсов из федеральных источников, поскольку за счет собственных налоговых поступлений не может обеспечить сбалансированность окружного бюджета.

Что касается этнической ситуации, то в целом она, казалось бы, благоприятна для национального развития коми-пермяков: они составляют 60% всего населения округа, около 50% — его городского населения, а среди жителей столицы — в Кудымкаре — более 60% (в округе один город и три поселка городского типа). Тем не менее в среде и сельских, и особенно городских жителей наблюдаются явные дестабилизационные процессы в сфере национальной культуры и этнического самосознания.

Остановимся сначала на наиболее очевидном — знании национального языка. Если в 1959 г. родным назвали язык своей национальности 92% коми-пермяков¹⁶, то в 1989 г. — лишь 70,1%¹⁷, причем в самом округе — 82,9%¹⁸ (последний показатель, на наш взгляд, явно завышен). Согласно полученным нами результатам, из коми-пермяков, проживающих в округе, 67,6% считают родным язык своей национальности, 30,2% — русский, остальные не смогли «определиваться». В целом сейчас пермяки знают русский язык лучше, чем родной, особенно это касается чтения и письма. Даже разговорным коми-пермяцким языком различные группы населения владеют в разной степени (естественно, молодежь хуже, чем люди старшего поколения) и в целом по округу ситуация со знанием родного языка чрезвычайно разнообразна. Так, коми-пермяки ряда деревень Юсьвинского района (Савино, Завешай и Анакиново) не умеют говорить на родном языке, но многие понимают его. При этом, как они сами заявляют, уже их отцы и деды не могли говорить «по-пермяцки». В некоторых райцентрах — селах Юсьве, Кочеве, Косе — доминирует русский язык, многие жители вообще не говорят по-коми-пермяцки, и сложилась уже традиция, согласно которой употреблять коми-пермяцкий язык считается непрестижным. Рассказывают, что еще лет 10 назад здесь невозможно было услышать коми-пермяцкую речь. Сейчас ею пользуются, но главным образом в семье и в дружеском общении. Правда, в Гайнском и в значительной мере в Косинском районах отношение к коми-пермяцкому языку почти не изменилось, поскольку среди их жителей доля коми-пермяков ниже, чем в других районах, и процессы межэтнического взаимодействия издавна протекают активнее, что, в частности, связано с наличием большого числа лесных поселков с этнически разнородным населением. Сложнее ситуация в Кочевском и Юсьвинском районах, где пермяцкие деревни соседствуют с русскими, что существенно влияет на языковую ситуацию. В Кудымкарском районе, в сельском населении которого преобладают (88,9%) коми-пермяки, и традиционная система расселения наименее нарушена, доминирует коми-пермяцкий язык. Впрочем, в большинстве коми-пермяцких сел и деревень Юсьвинского района языковая ситуация в целом тоже благополучна (если иметь в виду только живую разговорную речь).

Городское население значительно меньше, чем сельское привержено родному языку. Так, в Кудымкаре лишь 43,8% наших респондентов считают родным язык своей национальности, 48,6% — русский, а 7,6% затруднились в выборе родного языка. При этом 62,9% респондентов-горожан свободно владеют коми-пермяцким языком (94,3% соответственно русским) и только около 3% совсем не понимают

родного языка. Дети знают родной язык гораздо хуже, нежели взрослые. Из ответов наших респондентов следует, что только у 18,4% из них дети свободно говорят на коми-пермяцком, у 23,4% плохо знают его, у 39,1 понимают, но не говорят и у 29,3% совсем не знают родного языка. Причем чем меньше возраст детей, тем больше среди них доля слабо владеющих или вовсе не владеющих этим языком.

С чтением и письмом на родном языке ситуация примерно одинакова во всех возрастных группах и во всех районах округа: около половины респондентов не владеют навыками чтения и письма на родном языке, и подавляющее их большинство предпочитает для этого пользоваться русским.

Охарактеризованная ситуация связана прежде всего с положением в сфере народного образования и в системе средств массовой информации. Дело в том, что национальная школа в округе практически отсутствует, только в 89 из 197 школ преподаются коми-пермяцкие язык и литература как предметы (в северных Гайнском и Косинском районах, а также в районе с коренным русским населением — Юрлинском таких школ нет), в целом же обучение ведется на русском языке. Прежде в округе в начальных классах школы преподавание велось на коми-пермяцком языке, и многие люди старшего и среднего возраста заявляют, что в молодости они могли читать и писать по-коми-пермяцки, поскольку учились этому в школе, но теперь утратили эти навыки. В школах, которые расположены в однопациональных коми-пермяцких селах, учителя младших классов и сейчас вынуждены переводить ученикам содержание предметов с русского на коми-пермяцкий, поскольку все учебники написаны на русском языке, а уровень его знания у учеников еще недостаточен. Тем не менее многие учителя, особенно молодые, выступают против того, чтобы вернуться в начальных классах к обучению на родном языке. Это связано как с отсутствием учебников, так и с тем, что сама интеллигенция получает образование и формируется как таковая за пределами национальной территории, поскольку в округе нет высших учебных заведений либо их филиалов (Учительский институт существовал в Кудымкаре с 1949 по 1956 г). Кроме того, сказывается влияние общего языкового фона: радио, телевидение и кино практически полностью русскоязычны, в местной прессе лишь недавно стали публиковаться отдельные материалы на коми-пермяцком языке (при этом не всегда профессиональный уровень этих публикаций приемлем), рабочий язык во всех учреждениях русский, подавляющая часть горожан и заметная доля сельских жителей в семье использует русский язык и т. д. Книг на коми-пермяцком языке издается в настоящее время меньше, чем в 30-е годы. Ко всему этому следует добавить, что профессиональная художественная культура не пользуется популярностью и не способна быть пропагандистом родного языка и национальных культурных ценностей, быть «цементирующим ядром» этноса, поскольку не имеет должной поддержки и финансовых возможностей.

Попытка законодательного оформления статуса коми-пермяцкого языка, предпринятая в 1992 г. на съезде депутатов всех уровней в округе, не увенчалась успехом. По инициативе национально-культурного общества «Югор» было выдвинуто предложение, чтобы съезд объявил формальную равноценность русского и коми-пермяцкого языков. Однако опасения национальных осложнений и реалии языковой ситуации привели к тому, что депутаты отвергли эту идею, хотя коми-пермяки составляли среди них большинство. Видимо, коми-пермяцкий язык в общественном сознании и останется «языком второго уровня», если статус его не будет официально уравниен с русским языком.

Языковая ситуация, положение народного образования и профессиональной культуры в целом объясняются теми культурными ориентациями, которые свойственны в настоящее время коми-пермякам. А эти культурные ориентации смещены в сторону русской культуры, русских культурных ценностей либо культурных ценностей, не имеющих для коми-пермяков явно выраженной этнической маркировки. Это касается как профессиональной художественной, так и народной культуры. Впрочем, восприятие коми-пермяками всего русского, в том числе и

русского фольклора, происходило в течение нескольких столетий, наиболее активно в XIX в. Известный исследователь прошлого века Н. Добротворский писал по этому поводу: «Большая часть пермяков обрусела и смешалась с русскими: сильнейшая народность поглотила слабейшую. Это слияние продолжается и донныне, и даже теперь в большей степени, чем прежде. Особенно сильно обнаруживается факт обрусения в деревнях, заселенных наполовину русскими, наполовину пермяками. Пермяки перенимают здесь все русские обычаи и нравы, стараются подражать своим соседям даже в мелочах, говорят по-русски, рождаются с ними, так что самый тип их изменился, переходя в какую-то неуловимую середину между славянским типом и финским»¹⁹. Иными словами, еще в прошлом веке отмечены явные изменения в этническом самосознании коми-пермяков. Процесс этот сложный и не всегда достаточно очевидный. В 20—30-е годы в связи с поисками формы национальной государственности²⁰ и национально-культурным строительством он был приостановлен, но затем вновь набрал силу, чему способствовали как экономическая политика государства, так и его политические и культурные догмы.

Происходящие ныне изменения в самосознании коми-пермяков во многом сходны с теми, что были отмечены столетие назад. Однако глубина и масштабы этих изменений неизмеримо больше, да и темпы их нарастают в принципиально иных условиях.

Трудно ожидать, что направленность национального развития коми-пермяков может быть изменена без осознания позитивного образа собственного этноса, его самоценности для конкретных личностей. Между тем именно в этом отношении существуют серьезные проблемы, ибо оценка собственного этноса, своего рода национальная лояльность у значительной части коми-пермяков довольно низкая. Меньше половины респондентов — 44,3% в селе и 30,2% в городе — заявили, что они безусловно гордятся своей национальной принадлежностью. При этом в возрастной группе до 30 лет этот показатель был существенно ниже.

Еще сложнее обстоит дело с самоидентификацией. В целом по округу 37,9% респондентов ощущают себя стопроцентными коми-пермяками, 14,7% — больше русскими, нежели коми-пермяками, 20% — в равной степени русскими и коми-пермяками, а 23,5% вообще не видят у себя каких-либо этнических корней и осознают себя просто гражданами России.

Из опрошенных горожан 22,6% осознают себя коми-пермяками, 17,9% — русскими, 31,1% — в равной мере русскими и коми-пермяками, 23,6% — гражданами России. В условиях города, как видим, происходит либо смена этнического самосознания, либо наблюдается его раздвоенность. Показательно, что многие коми-пермяки, переехавшие в город из деревень (в Кудымкаре, например, 48% — выходцы из сельской местности), заявляют, что они ощущают себя настоящими коми-пермяками только тогда, когда приезжают в свою родную деревню. Иными словами, уже само изменение привычного этнического окружения, среды обитания нередко ведет к существенным изменениям в этническом самосознании. Это характерно и для многих внешних мигрантов. Нередко люди, покинувшие округ и прожившие в течение ряда лет в иноэтнических районах страны, по возвращении в родные места уже не отождествляют себя с коми-пермяками, дистанцируются от них и применительно к ним пользуются местоимением «они». Кстати, и часть сельской интеллигенции и близких к ней в профессиональном плане людей (работников культпросветучреждений и т. д.) не желают отождествлять себя с сельскими коми-пермяками.

Молодежь, ориентированная на более высокие, чем остальные жители, жизненные стандарты, слабо приобщаемая к национальной культуре и родному языку, в массе своей ориентирована не на собственные этнические ценности. Среди молодежи округа только 24,6% респондентов заявили, что осознают себя коми-пермяками (если исключить Кудымкарский район, где такой ответ получен от большей части опрошенных, этот показатель будет существенно ниже); 16% считают себя русскими и столько же — в равной мере и русскими и коми-пермя-

ками; 39,1% называют себя гражданами России, а остальные вообще затрудняются дать какой-либо ответ. Во многом сходные данные мы получили по косинскокамским коми-пермякам, только доля осознающих себя русскими там выше, чем в других группах. Однако все это тоже не новые явления, ибо и в XIX в. в контактных зонах было отмечено стремление коми-пермяков к смене своей национальной принадлежности: «Здешний пермяк желал бы, чтобы его принимали за русского, и на категорический вопрос: „Ты пермяк?“ — нехотя отвечает: „Не скроешь, пермяк“»²¹.

Отмечена и позитивная оценка нашими респондентами своего этноса. На вопрос, за что коми-пермяков не уважают соседи, 25% горожан и 50% сельских жителей ответили, что у коми-пермяков как народа нет дурных качеств и нет оснований их не уважать. Среди качеств, которые, по мнению респондентов, вызывают негативное отношение к коми-пермякам, равное количество голосов (треть) получили низкий культурный уровень, пьянство и грубость, четверть опрошенных указали на отсутствие чувства собственного достоинства и (что особенно подчеркивалось) — отсутствие предприимчивости.

Заметим, что позитивное отношение к собственному этносу у сельских жителей значительно выше, чем у горожан. Видимо, более интенсивный характер межэтнического взаимодействия в условиях города, тесные контакты на межличностном уровне с представителями других национальностей приводят к тому, что происходит нарушение позитивного образа собственного этноса, т. е. наблюдается так называемый этноморфоз, или ситуация, когда нынешние коми-пермяки ощущают себя все меньше связанными генетически и культурно с коми-пермяцким этносом. Это подтверждают материалы нашего исследования: примерно четверть опрошенных не ощущает никакой связи с собственным этносом. Те, для которых еще существует такая связь, важнейшим звеном ее считают язык, однако ныне положение языка, как уже говорилось, таково, что играть роль фактора-интегратора этноса он вряд ли может. Более трети опрошенных вообще затрудняются определить, что у них сегодня общего с этносом. Видимо, правомерно предположить, что городская часть коми-пермяков, молодое поколение и диаспора — это уже иной этнос, этнос, находящийся в переходном состоянии. Можно также, наверное, утверждать, что территория этнического самовоспроизводства у коми-пермяков в последние несколько десятилетий существенно сузилась и теперь ограничена лишь Кудымкарским и частью Юсьвинского района (исключая в них городские поселения).

Заметим, что у ближайших соседей коми-пермяков — коми-зырян показатели этнического развития еще ниже²², этническая стабильность нарушена и вопрос стоит о выживании этноса, о сохранении его самобытности.

Каким же образом можно добиться этнической стабильности коми-пермяцкого этноса, что надо делать, чтобы изменить положение в сфере национального развития к лучшему?

Видимо, оптимальных ответов на эти вопросы пока нет, и все же попытаемся сформулировать, исходя из очевидных реалий, некоторые рекомендации.

Во-первых, округу необходима помощь извне, без нее невозможно развитие его экономики и культуры. Вероятно, надо создать программу национально-культурного строительства в округе и всеми средствами (в том числе и финансированием) способствовать ее реализации.

Во-вторых, должно быть изменено положение в языковой сфере, для чего следует официально поднять статус коми-пермяцкого языка, сделав его государственным наряду с русским. Надо также расширить преподавание коми-пермяцкого языка в школе, а в районах компактного проживания коми-пермяков перейти в начальных классах к обучению на коми-пермяцком языке, предварительно разработав соответствующие учебные программы и учебники. Целесообразно добиваться расширения «представительства» коми-пермяцкого языка на «информационном рынке».

В-третьих, стратегия экономического развития округа должна строиться с

учетом определенных ограничений. Первое из них связано с необходимостью запрета любого крупного строительства на территории округа, ибо оно неизбежно повлечет за собой создание новых крупных поселений, новых городов, приток инонационального населения, что еще более ухудшит здесь этническую ситуацию. Попытки такого рода уже имели место, когда на территории округа планировалось строительство АЭС. В 1989 г. это вызвало (в связи с «чернобыльским синдромом») бурные протесты населения, но в другой ситуации общественного противодействия может и не быть. Второе ограничение связано с невозможностью развития высокотехнологичных производств из-за низкого культурного уровня коми-пермяков и традиционной привязанности их к земле. Следовательно, здесь надо создавать мелкие и средние предприятия, ориентированные на традиционную хозяйственную специализацию коми-пермяков (в основном переработка лесной и сельскохозяйственной продукции).

В-четвертых, следует изменить направленность культурных процессов и характер формирования национальной интеллигенции, особенно учителей. Видимо, в первую очередь надо открыть в Кудымкаре филиал Пермского пединститута. С целью усиления роли профессиональной художественной культуры должно быть значительно увеличено финансирование сценического искусства, живописи, музыкального творчества, литературы. Сегодня поддержка деятелей культуры крайне слаба, и у них нет возможности пропагандировать собственное творчество.

Наконец, необходимо изменить само отношение местных властей к проблемам национального развития (пока у них нет должного понимания этих проблем). Видимо, и российским властям надо уделять большее внимание проблемам развития округа. И, безусловно, следует провести широкие комплексные исследования с тем, чтобы разработать детальные рекомендации по стабилизации этнической ситуации в округе. Эти исследования должны быть обеспечены приоритетным финансированием, ибо возможность отложить их уже утрачена. Либо такие исследования будут осуществлены в ближайшее время, либо потребность в них отпадает сама собой.

Примечания

¹ Белицер В. Н. Очерки этнографии народов коми. М., 1958.

² Хлопов В. Хозяйственный и нравственный быт пермяков // Журн. Мин. гос. имуществ. Ч. XIV. № 7, июль. СПб., 1852; Смирнов И. Н. Пермь. Историко-этнографический очерк. Казань, 1891; Рогов Н. А. Материалы для описания быта пермяков // Журн. Мин. вн. дел. 1858, апрель. Т. 29. Отд. III. Кн. 4; Добровольский Н. Пермь. Бытовой и этнографический очерк // Вестник Европы. Год 18-й. Т. II. Кн. 3—4. Март-апрель 1883; Теплоухов А. Ф. Пермь и зыряне // Пермский краеведческий сборник. Вып. 2. Пермь, 1926 и др.

³ Грибова Л. С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. М., 1980; Климова Г. Н. Узорное вязание коми. Сыктывкар, 1978; *её же*. Текстильный орнамент коми. Сыктывкар, 1984.

⁴ Бромлей Ю. В., Пименов В. В., Шлыгина Н. В. Современные этнокультурные процессы у народов финно-угорской языковой семьи в СССР // Советское финно-угроведение. 1985. № 2; Бромлей Ю. В., Пименов В. В., Соколова З. П., Шлыгина Н. В. Финно-угорские этносы СССР: современные этнокультурные процессы // Сов. этнография. 1986. № 6; Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: Теория, история, современность. М., 1987.

⁵ Народы Поволжья и Приуралья. М., 1985.

⁶ Lallukka S. The East Finnic Minorities in the Soviet Union: An Appraisal of the Erosive Trends. Helsinki, 1990 (Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Ser. B. T. 252).

⁷ Котов О. В., Шабаев Ю. П. Этнокультурная ситуация у коми-пермяков (Сер. репринтов «Науц. докл.». Вып. 254). Сыктывкар, 1990.

⁸ Луговой Ю. Тяжкий крест пармы // Пермские новости. 4 июля 1992.

⁹ Еронкина Н. Д., Макарова Г. Г. Демографический потенциал и социально-экономическое развитие Коми-пермяцкого автономного округа // Проблемы развития производительных сил и охраны природы Коми-пермяцкого автономного округа. Кудымкар, 1987. С. 15.

¹⁰ Население Коми-пермяцкого автономного округа. Ч. 1. Пермь, 1981. С. 4.

¹¹ Справочный материал по Коми-пермяцкому автономному округу. Кудымкар, 1990. С. 1.

¹² Шабаев Ю. П. Коми-пермяки и их диаспора // Традиционное и новое в культуре народов России. Тез. докл. и выст. на Всерос. конф. Саранск, 1992. С. 177—179.

¹³ Справочный материал... С. 1.

¹⁴ *Сморгунова Е. М.* Старообрядцы Верхней Язвы: особая языковая ситуация//Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. М., 1992. С. 159.

¹⁵ *Сорокина А. А.* Нездоровая экология//Миян шог. Кудымкар, 1990. С. 19.

¹⁶ Национальный состав населения РСФСР. По данным переписи населения на 15 января 1959 года. М., 1961. С. 213.

¹⁷ Идеологическая работа: проблемы, поиск, опыт. М., 1990. С. 16.

¹⁸ Справочный материал... С. 1.

¹⁹ *Добротворский Н.* Пермяки. Бытовой и этнографический очерк//Вестник Европы. Год 18-й. Т. II. Кн. 3. Март 1883. С. 240.

²⁰ *Тараканов Ф. Г.* Борьба за округ. Кудымкар, 1990; *Коньшин А. Е., Сметанин А. Ф.* Образование Коми-пермяцкого округа — компромиссный путь решения «пермяцкого вопроса»//Развитие советских финно-угорских народов: история и современность. Тез. докл. всерос. науч. конф. Сыктывкар, 1991. С. 15.

²¹ *Смирнов И. Н.* Пермяки... С. 173.

²² *Шабает Ю. П.* Современное этническое развитие народов коми (коми-пермяков и коми-зырян)//Congressus septimus internationalis fenno-ugristarum. Summaria dissertationum. 2B. Debrecen, 1990; *Котов О. В., Рогачев М. Б., Шабает Ю. П.* Современные этнические процессы у коми//Из истории национально-государственного строительства, национальных отношений и социально-экономического развития Коми АССР (Тр. ИЯЛИ. Коми фил. АН СССР. Вып. 44). Сыктывкар, 1989. С. 117—124.

The Komi-Permyaks: Survival of a People

The ethno-cultural, economic and demographic situation of the Komi-Permyaks, a Finno-Ugric people, native population of an autonomous district within the Russian Federation is examined. The article is based on the results of a 1992 sociological survey. Out-migration, assimilation, as well as sociolinguistic and ethnolinguistic data and shifts in ethnic identity are analyzed. Some political and economic measures for the stabilization of a situation are proposed.

Yu. P. Shabaev